

КАК СООТНОСЯТСЯ МЕЖДУ СОБОЙ ПОНЯТИЯ ДОБРОСОВЕСТНОСТИ И ВИНЫ? ОЗНАЧАЕТ ЛИ НАРУШЕНИЕ ПРИНЦИПА ДОБРОСОВЕСТНОСТИ ТАКЖЕ НАЛИЧИЕ ВИНЫ? СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ В ПРАВЕ РФ И ФРГ

Щепкина Валерия Максимовна

МГИМО (У) МИД РФ
valeryashepkina@mail.ru

HOW DO THE PRINCIPLES OF GOOD FAITH AND GUILT RELATE TO EACH OTHER? DOES VIOLATION OF THE PRINCIPLE OF GOOD FAITH ALSO MEAN THE PRESENCE OF GUILT? COMPARATIVE ANALYSIS IN THE LAW OF THE RUSSIAN FEDERATION AND THE FEDERAL REPUBLIC OF GERMANY

V. Shchepkina

Summary. In this article the author examines the correlation between the institute of good faith and guilt in the law of Russia and Germany. There are two presumptions in civil law: presumption of guilt and the one of good faith. The author notes that these presumptions are not mutually exclusive. Thus, the answer to the question of their correlation can be found both in judicial practice and in doctrine. Despite the fact that many of the institutions were adopted by the Russian legislator from Germany, there are some key differences between the institutions in the Russian Federation and the Federal Republic of Germany. For example, the principle of good faith in Russian law is used for the purposes of judicial protection, while in Germany it is a general principle applicable outside of court proceedings. Moreover, this principle in Germany is not statutory, which allows the courts to interpret it as broadly as possible, with an eye on justice and good morals.

Keywords: good faith, guilt, Russia, Germany, presumptions, civil law.

Аннотация: В данной статье автор рассматривает соотношения института добросовестности и вины в праве России и Германии. Существует две презумпции в гражданском праве: вины и добросовестности. Автор отмечает, что данные презумпции не являются взаимоисключающими. Так, ответ на вопрос об их соотношении может быть найден как в судебной практике, так и в доктрине. Несмотря на то, что многие институты были рецепированы российским законодателем именно из Германии, между рассматриваемыми институтами в РФ и ФРГ есть некоторые ключевые различия. Так, например, принцип добросовестности в праве России используется для целей судебной защиты, а в ФРГ этот принцип является общим, применимым вне судебного разбирательства. Более того, данный принцип в ФРГ не имеет законодательного закрепления, что дает возможность максимально широкого судебного толкования с оглядкой на справедливость и добрые нравы.

Ключевые слова: добросовестность, вина, Россия, Германия, презумпции, гражданское право.

В российском праве существуют две презумпции: вины и добросовестности,— что может создать впечатление о наличии коллизии презумпций, так как, на первый взгляд, без должного анализа того, что стоит за этими двумя институтами, представляется, что вина и добросовестность действуют взаимоисключающе.

Что скрывается за институтом вины и как ее понимает действующая редакция ГК РФ? Ответ на данный вопрос весьма определен как в кодексе, так и в доктрине. Как известно, существует две концепции вины: психологическая, ставящая в центр психическое отношение

субъекта к своим действиям, и поведенческая, которая, не обращая внимания на психоэмоциональный аспект, подвергает анализу внешнее проявление действий стороны — была ли проявлена должная степень заботливости и осмотрительности [6]. Именно последняя концепция вины и воспринята гражданским законодательством и закреплена нормой ст. 401 ГК РФ. Чтобы отвечать предложенному законодателем стандарту для освобождения от презумпции вины (должная степень заботливости и осмотрительности), лицо должно «принять все меры для надлежащего исполнения обязательства» (абз. 2 ч. 1 ст. 401 ГК РФ). При этом следует учитывать, что оценка соответствия данному критерию

должна производиться с точки зрения обычного, среднего лица, «разумного коммерсанта» [10, 14, 15].

В силу того, что вина (умысел или неосторожность) субъекта гражданского правоотношения презюмируется, доказать невиновность должно лицо, которому предъявлено обвинение (ч. 2 ст. 401 ГК РФ). Доказать же ее отсутствие с учетом уже вышесказанного представляется возможным посредством ссылки на проявление хотя бы минимальной степени заботливости и осмотрительности при исполнении обязательства [9].

Несмотря на то, что поведенческая концепция вины общепризнана, высказываются мнения, касающиеся ее тесной связи с понятием противоправности и по сути «растворения» одного понятия («вины») в другом [8].

Как и в случае с виной, понятие добросовестности трактуется по-разному в зависимости от конкретной нормы, ее закрепляющей, и соответствующих обстоятельств. В частности, выделяют субъективный и объективный (нравственный) подходы к определению понятия добросовестности [4].

Так в первом случае понятие добросовестности имеет много общего с понятием вины. В частности, можно говорить о применении здесь презумпции вины или, скажем, недобросовестности, а также об обращении к тому же критерию проявления должной степени заботливости и осмотрительности при доказывании такой добросовестности. Так на добросовестного приобретателя по смыслу ст. 302 ГК РФ налагается обязанность по всесторонней проверке наличия каких-либо притязаний на приобретаемое имущество. Такая обязанность приравнивается к обязанности проявить должную степень заботливости и осмотрительности. В частности, в делах о добросовестном приобретении суды исходят из необходимости доказывания добросовестности приобретателя [10]. Доказыванию подлежат факты незнания лица о правопритязаниях, имеющих спорных; возмездность сделки, а также невозможность установить, что лицо не имело права отчуждать это имущество.

При субъективном подходе к оценке добросовестности используется критерий «не знал и не должен был знать», то есть он сделал все, чтобы установить возможные факты нарушения, но ничего не узнал о возможных притязаниях третьих лиц, поэтому имущество было им приобретено [12]. Эксплицитно указанный критерий закреплен в п. 2 ст. 335 ГК РФ, устанавливающей критерий добросовестности залогодержателя.

Таким образом, в подобных случаях, несмотря на закрепление в норме закона обязанности действовать

добросовестно, презумпция добросовестности не действует. В.А. Дозорцев даже высказывал мнение о необходимости закрепления презумпции недобросовестности, что, по его мнению, было бы логично. Дело в том, что необоснованно перекладывать бремя доказывания недобросовестности на законного собственника вещи, так как последний зачастую не может знать о способах и условиях заключения сделки. Доказывание в этом случае усложняется участием в спорном правоотношении третьего лица, незаконного владельца, с которым без какого-либо вовлечения истца и была заключена сделка добросовестным приобретателем.

Иным содержанием наделено понятие «добросовестность» с точки зрения объективного (нравственного) подхода. В этом случае оцениваются не активные действия осмотрительного и заботливого субъекта, а производится сопоставление его поведения с общепризнанными понятиями о честности, добропорядочности, учете интересов друг друга, а также интересов общества. Формально в данном случае добросовестность находится в одной плоскости с правомерностью с тем отличием, что первое понятие предъявляет требование к соблюдению не положений нормативных актов, а нравственности, честного ведения дел, баланса интересов и т.д. [8].

Только добросовестность в данном контексте и с данным содержанием порождает презумпцию добросовестности субъектов гражданско-правовых правоотношений по смыслу п. 5 ст. 10 ГК РФ. В частности, комментируя данную норму в Постановлении № 25, ВС РФ определил критерии оценки добросовестности. Так ВС РФ пришел к выводу о том, что добросовестное лицо учитывает права и законные интересы другой стороны, содействует ей, в том числе, в получении необходимой информации [13].

Как же соотносятся две существующие в российском гражданском праве презумпции: презумпция вины и добросовестности.

Дело в том, что исходя из толкования нормы ст. 10 ГК РФ, на лицо налагается обязанность действовать добросовестно, а защита контрагента зависит от добросовестного поведения лица только в случае такого упоминания в конкретной норме закона. Так если в законе не установлена прямая связь между добросовестностью и защитой права, презумпция добросовестности отсутствует. Данная презумпция будет замещаться презумпцией вины, и на лицо будет переложено бремя доказывания проявления должной степени заботливости и осмотрительности. Как было отмечено Е. Богдановым, данная презумпция является законной, она не может быть общей [5].

Однако анализ практики и доктринальных источников позволяет сделать вывод о том, что при определении презумпции, действующей в том или ином случае, учитывать следует содержание понятия добросовестности: используется ли он в субъективном значении, отождествляясь с невиновностью (проявлением должной степени заботливости и осмотрительности), или в объективном значении, предполагая соответствие требованиям нравственности.

Сравнение российского и немецкого подходов к понятиям вины и добросовестности позволяет сделать вывод о том, что развитие гражданского законодательства указанных стран идет в едином направлении.

Как и в России, в Германии происходит постепенное ослабление принципа вины. Ответственность все больше напоминает противоправность поведения лица, включая учет его психологического отношения к произошедшему, а также его индивидуальных особенностей. Так из смысла § 277 ГГУ следует, что лицо несет ответственность тогда, когда его поведение не соответствовало предусмотренному гражданским законом «идеалу», который выражается в проявлении «необходимой и требуемой осмотрительности и заботливости» в той степени, как будто он ведет свои собственные дела или является порядочным коммерсантом в предпринимательской деятельности (§ 347 Торгового уложения Германии). При этом обладание специальными знаниями является основанием для предъявления к контрагенту большего объема требований при исполнении им своих обязательств [7].

Германский законодатель пошел дальше и предусмотрел, помимо института вины, также институт гарантии в случае ответственности из договора. Указанный институт полностью исключает какой-либо объективный анализ поведения лица и обстоятельств, в которых оно оказалось. Ответственность будет наступать вне зависимости от проявления должной степени заботливости и осмотрительности, а ее основанием будет являться недостижение обещанного успеха [7]. Так любой риск, который не позволил лицу исполнить обязательство так, как того требовал договор или закон, будет вести к ответственности лица.

Понятие добросовестности в германском гражданском законодательстве (§ 242 ГГУ) подразумевает

обязанность лица, как кредитора, так и должника, учитывать правомерные и признанные интересы своего контрагента, заложенные в законе и договоре, вести себя в соответствии со смыслом и целью возникшего правоотношения, не ограничиваясь его буквальным и формальным толкованием [1]. Такое понимание добросовестности находит свое закрепление и в Принципах УНИДРУА [2].

Так принцип добросовестности в соответствии с ГГУ является общим принципом и применяется в процессе исполнения основных, а также дополнительных обязательств стороны. В этом заключается отличие от российского подхода к принципу добросовестности, применение которого ограничено целями судебной защиты, и не распространяется на соответствующие обязанности лица при их исполнении.

При этом в силу отсутствия законодательного закрепления понятия добросовестности, судам предоставлена довольно широкая свобода в его толковании и применении. При этом с течением времени был достигнут консенсус относительно того, в каких случаях рассматриваемый принцип применяется. К ним, в частности, относятся переговоры при заключении договора, исполнение договора, деликтная небрежность и т.д.

Из всего вышесказанного можно сделать вывод, подтвержденный судебной практикой [3], о том, что при нарушении принципа добросовестности установление вины не требуется. Добросовестность, таким образом, имеет преимущественную силу, а ее нарушение является достаточным основанием для привлечения к ответственности.

Таким образом, как в российском, так и в германском законодательствах признается и законодательно закрепляется принцип добросовестности, а также презумпция вины. Отличие, однако, состоит в том, что в России при исполнении обязательств ответственность наступает при наличии вины, а добросовестность используется в целях судебной защиты, исключительно в случаях прямого указания на это в норме закона, как, например, в ст. 434.1 ГК РФ. В Германии же принцип добросовестности имеет общий характер и «перекрывает» собой необходимость установления вины.

ЛИТЕРАТУРА

1. Medius D. Schuldrecht I, Allgemeiner Teil, Ein Studienbuch, 13. München, 2002.
2. UNIDROIT Principles; Bonell. An International Restatement of Contract Law. 1994.
3. Решение Верховного суда Германии, BGHZ. № 64. S. 9.
4. Агарков М.М. Проблемы злоупотребления правом в советском гражданском праве // Избранные труды по гражданскому праву: в 2 т. — Т. II. — М.: АО «ЦентрЮрИнфор», 2002.

5. Богданов Е. Категория «добросовестность» в гражданском праве // Российская юстиция. 1999. № 9.
6. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право: Общие положения. — М.: Статут, 1997.
7. Захаров Д.Е. Вина как условие привлечения к ответственности за нарушение договора по германскому гражданскому праву. Российское право: образование, практика, наука. 2020. № 1.
8. Кузнецова О.А. Соотношение противоправности, вины и непреодолимой силы на примере ответственности сельхозпроизводителя // Вестник Пермского университета. Юридические науки. — 2013. — № 2.
9. Обзор судебной практики Верховного суда Российской Федерации № 2 (2022) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 12.10.2022).
10. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 15 декабря 2016 года № 309-ЭС16-13046.
11. Определение № 305-ЭС19-13577 по делу № А40-204589/2017.
12. Постановление Конституционного Суда РФ от 21 апреля 2003 г. № 6-П.
13. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации».
14. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 14 марта 2014 года № 17 «Об отдельных вопросах, связанных с договором выкупного лизинга».
15. Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 12 апреля 2016 года № 07АП-2245/2016

© Щепкина Валерия Максимовна (valeryashepkina@mail.ru).
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

